

РУБЛЕВКА WIFE
АНТИГЛАМУР

Кирилл Софонов

День Счастья-
СЕГОДНЯ!

Кирилл Сафонов

День счастья – сегодня!

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184177

День счастья – сегодня!: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2009

ISBN 978-5-17-046336-7, 978-5-9713-6558-7

Аннотация

Он молод и просто неприлично богат. Деньги – смысл его жизни. И он покупает. Но все ли можно купить? Не может ли случиться так, что выставленный счет окажется слишком велик? Ответ вы найдете в этом захватывающем триллере. А в герое каждый из вас узнает свое собственное лицо. И может быть, оно вам не очень понравится. А что делать? Такое время, такая жизнь...

Содержание

Часть первая	4
Часть вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кирилл Сафонов

День счастья – сегодня!

*Посвящается всем тем,
кто завоевал весь мир
и потерял собственную душу...*

Часть первая

We are the champions of the world

1

– Черт возьми, Илюха, ты – гений! Я так и не понял, как тебе это удалось?! – В голосе коллеги чувствовалось настоящее восхищение.

Алексей был моим давним другом и партнером по бизнесу. Вместе мы были соучредителями крупнейшей в столице лизинговой компании «Корсо». Вот и получается вроде как коллеги. По крайней мере откусить пытаемся уж точно от одного пирога. И так уж случилось, что как раз сегодня этот «пирог» подали на стол со всеми свечами.

– Дело техники, дружище, – сказал я. Это все, что нужно знать Алексею. Про размер отката, вытребованный клиен-

том, а также про мою в нем долю я, естественно, умолчал. – Ладно, я поехал. Сначала домой заскочу – забыл кое-что. А потом к логистам. Их если не дернуть, то ничего вовремя не получим. А ты давай бди! Родина смотрит на тебя! Давай до завтра, – сказал я и затушил в пепельнице сигарету.

– Секунду, Илюх. Это... – Лешка все еще не мог поверить. – Я, значит, заказ подтверждаю... Точно?

– Леш... – Я перевел дыхание. – Ты уже должен был сто раз заказ подтвердить. Контракт подписан и обладает огромной... просто абсолютной... юридической силой. Копия в сейфе лежит.

– Ладно, – улыбнулся Лешка. – Давай до завтра.

– Бывай, брат! И... не волнуйся ты, Леха, все будет отлично. Я сказал! – победоносно улыбнулся я и вышел из кабинета.

2

Я ехал домой. Настроение было отличным. Я мурлыкал себе под нос квиновскую «We are the champions», и все было прекрасно. Мимо проносился город со всеми его домами, улицами, светофорами, и мне казалось впервые в жизни, что вот теперь он существует для меня, а не я для него.

Все, к чему я так долго стремился, увенчалось успехом: контракт подписан – и какой контракт! И ведь не так много времени прошло. Да, сначала сидели лапу сосали. Вспом-

нить смешно, честное слово, со шмоток начинали. Хотя что здесь смешного? Половина олигархов с этого начинала. Главное, что все получается. Помню, всю жизнь хотел хорошую машину, не какой-нибудь «жигуленок» гнилой, а иномарку, и чтобы не из дешевых.

И что? Пожалуйста! Как раз с тех шмоток и получилась. Жена, конечно, все мозги проела: «Нет, чтобы о квартире думать – он эту чертову машину купил». Но извини, родная, я зарабатываю – мне и решать, что и как тратить. Так было и так будет. К тому же с квартирой-то вопрос все-таки решился. Живем-то не где-нибудь, а на Кутузовском проспекте. Да половина москвичей полжизни бы не задумываясь отдала за такую возможность, а здесь всего пару лет еще пришлось в съемной однокомнатной квартирке пожить. Конечно, повезло, что говорить, удачно крутанулись во время дефолта, но везение – частный случай закономерности, а это уже кое-что. Так держать, как говорится.

Так, встали. Пробка. Есть возможность осмотреться, достать сигареты и вдоволь насладиться переключениями с одной радиостанции на другую, дабы подобрать мелодию, наиболее подходящую твоему настроению. А настроение, надо сказать, отличное. Я счастлив. Да, причем это ответ не только самому себе, но и дурацкому слогану какой-то компании, чей босс додумался воспользоваться рекламой на автотранспорте. «Вы счастливы?» – было выведено огромными буквами на идеально белом боку большого рейсового автобуса.

Кому только в голову пришло? Что это? Очередной рекламный трюк какого-нибудь раскрученного бренда а-ля Соса-Соса? Ага, праздник к нам приходит. Не знаю. К сожалению, невозможно было хорошенько рассмотреть всю экспозицию. Автобус стоял в соседнем ряду, на пару автомобильных корпусов впереди, исходя из чего хорошо просматривалась только одна его половина. То есть я хорошо видел знак вопроса, а далее с конца надписи по убывающей. Что там сообщалось в головной части, возможно, название компании и контакты, увидеть я не мог. Да и черт с этим со всем. Но тем не менее спасибо за вопрос. А ответ я уже имел честь сообщить. Да, я счастлив. Как никогда в жизни.

3

– Что-то ты сегодня рано, – удивилась Татьяна, открывая мне дверь. – Не похоже на тебя. Там снег не пошел?

– Да я на секунду, – сказал я, снимая ботинки. – Бумаги кое-какие нужно забрать, забыл утром. – Сооруди быстренько поесть что-нибудь, а то у меня встреча через час.

– А, – выдохнула она. – Я-то дура обрадовалась.

– Да я не надолго, а потом сразу домой. Вот увидишь.

– Мой руки, – донеслось с кухни.

Я вошел в ванную. В царство плитки и хрома.

– Тань! – крикнул я, пытаюсь перекричать струю воды, вырвавшуюся из хобота смесителя. – Тюменские-то контракт

подписали. Уломал все-таки.

Секунда, и жена, вся сияющая, влетела в ванную и повисла у меня на шее.

– Согласились? Правда? На хороших условиях?

– Более чем, – освобождаясь из ее объятий и беря в руки полотенце, сказал я. – Пакуй чемоданы. Думаю, пора задуматься о собственном домике.

– О ребенке, Илюш. Прошу тебя, – взмолилась она. – Мы же много раз говорили на эту тему. Мне уже скоро тридцать. Сколько можно тянуть?

– Тань, – произнес я и посмотрел на нее взглядом «я все решил».

– Ладно, я поняла, – сказала Татьяна, и ее глаза наполнились слезами. Она отвернулась и вышла из ванной.

– Тань, ну что ты опять начинаешь? – бросил я ей вслед.

– Я? – обернулась она. – Что я начинаю, Илья? Я ничего не начинаю. Это ты продолжаешь. Тебе всего мало. Может, пора уже остановиться? И подумать о семье? Обо мне?

– А я не думаю? – Я был возмущен подобным вопросом. – О ком же я, по-твоему, думаю?

– О себе! И только о себе! Что ты мне обещал? Вспомни!

– Ничего я не обещал. Просто я не считаю, что мы готовы завести ребенка, если ты об этом.

– Конечно, об этом. О чем же еще? – закричала она. – Я как дура постоянно верю во все твои отговорки. «Еще не время», «Мы недостаточно богаты, а я хочу, чтобы у ребен-

ка было все самое лучшее», «Все очень нестабильно». Хотя прекрасно понимаю, что если бы все рожали по твоим условиям, то человечество давно бы вымерло, как динозавры.

– Таня, послушай...

– Все, Илья! – вновь отрубилась она. – Не хочу я ничего слушать. Ты решил – прекрасно. Только знай: никакой собственный домик я смотреть не собираюсь. Выбирай сам. Как всегда ты и делал. Сначала машина. Потом квартира. Я уже не говорю о всяких там путевках и ресторанах. Даже мой день рождения мы умудрялись праздновать в твоих любимых ресторанах, – закончила свою речь Татьяна, сделав ударение на слове «твоих».

Я больше не стал ничего говорить. Черт с ней. Просто вышел из ванной, забрал нужные бумаги из кабинета, оделся и вышел из квартиры, плотно закрыв за собой дверь. Что ж, родная, за все в жизни нужно платить. Подобные разговоры я просто так прощать не намерен. Сегодня домой я приду поздно. Если вообще приду.

Если бы я только знал, как сильно ошибался насчет последнего утверждения.

4

Двигатель «ягуара» приятно заурчал, унося остатки моего гнева. Что ни говори, а хорошие вещи все-таки способны творить чудеса. Разумеется, если это твои вещи. Я знаю,

многие скажут, что не в деньгах счастье. Но знаю также, что так очень часто говорят именно те, у кого их как раз и нет. Я также знаю многих, кто скажет, что счастье не в деньгах, а в их количестве. Я не буду спорить ни по какому из этих утверждений. Пусть каждый решает сам за себя. Я знаю лишь то, что рубашка Pal Zirelli мне намного ближе к телу, чем та, что я носил, будучи студентом. А трапеза в ресторане «Ваниль», более благоприятна для моего пищеварения, чем комплексный обед в какой-нибудь заводской столовой.

Взглянув на часы, я обнаружил, что, хоть это и швейцарские IWC, время они отмеряют совсем по-русски, и до назначенной встречи его осталось совсем ничего. Все, к черту, полетели. Вперед к новым победам, достижениям и завоеваниям!

5

Вновь оказавшись на тех же улицах, что и час назад, я с огромным облегчением отметил, что в этом направлении движение было достаточно свободным. Из чего следовало, что на встречу с логистами я попадаю. Не хотелось менять планы. Люблю, когда если уже все встало на счастливые рельсы, то пускай уж по ним и катится. Хотя, конечно, кое-какие пятнышки на сегодняшней белой скатерти имеются. Сначала Танька, потом бродяга этот. Но ладно, в конечном счете это ерунда, даже не эпизоды, так – эпизодики. Так, по-

следний светофор, а дальше сплошной зеленый свет. Я крутанул головой на противоположную сторону улицы, где сегодня видел автобус с самым главным для человека вопросом. Ну как там насчет счастья? На секунду, всего на секунду, мне показалось, что я вновь увидел его на том самом месте, где и час назад, но...

Вспышка! Это что еще такое?

И в этот момент вдруг произошло что-то странное. Перед глазами все поплыло. Что-то липкое и тяжелое обволокло голову, а потом с огромной силой сдавило ее так, что показалось, я слышу, как трещат кости моего черепа. Наверняка водолазы чувствуют что-то подобное при погружении на большую глубину, где чудовищно высокое давление. Что со мной? Я не видел ничего; казалось, что каждое из моих глазных яблок, словно глобус, закрутилось вокруг своей оси и не нуждалось в командах моего мозга. А в следующее мгновение прекратили подачу кислорода...

Сзади слышались неодобрительные сигналы клаксонов, сообщающие мне, что панно светофора давно уже мигнуло зеленым глазом, но я не обращал внимания. Включив аварийку, я медленно пересек пешеходный переход и, скатившись в крайнюю правую полосу, заглушил двигатель.

Навалившись на дверь и кое-как открыв ее, я вывалился наружу. Хорошо хоть, что места на полосе было достаточно, чтобы не свалиться под колеса проезжающих мимо автомобилей.

Я упал на колени и пытался сделать вдох, но ничего не получалось. Господи, что происходит? Инфаркт? Да, сердце просто катастрофически быстро бьется! Может, инсульт? У меня бабка от инсульта померла! Боже, мне ведь всего двадцать девять! Я слишком молод, чтобы умирать! Кто тебе это сказал? Не знаю! Просто так не должно быть! Не должно! Нет, нет и нет! И в этот момент мне стало страшно! Если сначала был какой-то испуг, то теперь ему на смену пришел СТРАХ. Чудовищный, необъяснимый, нечеловеческий. СТРАХ. Мне никогда еще не было так страшно, как в эту самую минуту. Никогда. Значит, вот как все происходит. Именно так и никак иначе. Еще секунду назад ты был счастлив, ты был... А потом... Бац! – и все, что, казалось, находится под твоим контролем, куда-то уплывает, совершенно не обращая на тебя внимания.

Господи, помоги мне! Сделай так, чтобы все это прошло.

Я попробовал подняться, чтобы позвать на помощь, но ноги не слушались, и я вновь упал, успев увидеть в зеркале заднего вида моего автомобиля свое лицо. Ни единой капельки крови не было под этой кожей, ни одной. Маска. Ужасная белая маска. Это не я. Господи! Господи! Господи! Господи! Господи! Я прошу тебя... Я умоляю... Только не сейчас!

И тут какое-то непонятное ощущение напугало меня еще больше. Мне показалось, что меня выдергивают из моего тела. Что-то похожее происходит на каруселях, когда ты сначала резко взмываешь вверх, а потом мгновенно летишь

вниз... Но сейчас все было в десятки раз сильнее. В сотни. В тысячи. Я не успевал оправиться от первого такого ощущения, как оно тут же повторялось, причем с новой силой.

Я закричал. Завизжал как поросенок, которого собираются кастрировать. Я! Который пару часов назад разглагольствовал о каких-то там секретах... Я, кому суждено было стать олигархом! Я... Ага, выкуси! Ты сейчас сдохнешь! Развалившись на грязном асфальте, рядом со своей машиной, которая так много для тебя значит... Значила! Ничего теперь не важно... Потому что скоро меня не будет... Не будет! Господи, мне страшно, мне безумно страшно! Господи! Уже скоро... Я со всей силы зажмурился и... Это и есть смерть?

6

Я сидел, облокотившись на свою машину, и не знал, что делать дальше. Вокруг сновали какие-то люди. Заглядывали мне в лицо, что-то говорили, размахивали мобильными телефонами. Но я не обращал на них никакого внимания.

Мое сознание было задернуто какой-то молочной пеленой, сквозь которую даже собственные мысли пробирались достаточно неуверенно; об информации, поступающей извне, говорить не приходилось. Тело было не лучше. Раненый воин, одолевший марафон, наверняка чувствовал себя лучше. Я попытался закурить, но после первой же затяжки выбросил сигарету. Не хватает еще с тошнотой здесь бороть-

ся. Да и сердце снова как-то задержалось. Что же все-таки произошло? Может, эпилепсия? Или астма? Я же задыхался. Точно, вот, наверно, это что.

Я поднялся. В висках барабанной дробью застучала кровь, в глазах тут же потемнело, а сердце переключилось на следующую передачу. Кое-как отряхнувшись, я забрался в машину. Почему-то теперь меня начинал пробирать еще и озноб. Самое дикое похмелье – ерунда в сравнении с тем, как я сейчас себя чувствовал. Кошмар. В голове постоянно крутился один и тот же вопрос: «Что случилось?» Посидев еще минут пять и показав жестом, что все в порядке уже четвертому лицу, заглянувшему через лобовое стекло, я завел машину и осторожно двинулся в путь. А на каком я пути? Уж не туда ли? Только медленно? Так у всех так...

7

И с этого дня вся моя жизнь превратилась в сплошной кошмар.

Я с ужасом ожидал прихода вечера, мне было страшно ложиться спать, точнее, засыпать. В голове у меня теперь постоянно что-то звенело и пульсировало. На жизнь я глядел откуда-то из глубины своего ничтожного «я». Стоило мне положить голову на подушку, как перед глазами тут же начинали плясать кошмарные образы. Здесь были и смерть, и чудовищные болезни, и страшные увечья. Я примерял к себе

все.

Я ложился в постель и ждал смерти. Я вбил себе в голову, что она уже ищет меня, вот только не знал, в каком обличье. А потому постоянно придумывал новые.

Если сначала я думал, что все мои недомогания могут быть связаны только с какой-то болезнью, пожирающей меня изнутри, то потом я выработал теорию, что это просто предчувствие. Смерть где-то рядом, и я ее чувствую, точнее, мой организм и сознание, и именно отсюда все эти ощущения. Некая репетиция.

Я лежал в постели, смотрел в потолок и думал, что стоит мне уснуть или просто закрыть глаза, как все это белое плато рухнет вниз и размажет меня по полу.

Каждый раз, закрывая глаза, я начинал бояться ночи, всего того, что, как мне казалось, она могла и должна была принести. Я прощался с жизнью и засыпал в жутких мучениях (бессонницы, слава Богу, не было, хотя и глубокого крепкого сна тоже), а открыв глаза утром, начинал бояться уже дня.

Я перестал ездить на машине, перестал смотреть телевизор и практически никуда не ходил.

Я словно сошел с ума. Это тоже был один из моих страхов. Вскоре я начал бояться, что если что-то ужасное не случится со мной, то тогда я сам сделаю что-нибудь ужасное с собой или с кем-нибудь еще.

Мне было страшно взять в руки нож, чтобы отрезать кусок колбасы. Мне тут же вспоминались фильмы или статьи в

газетах о том, как совершенно нормальные и хорошие в общем-то люди в один прекрасный день превращались в кровавых мясников. И, зарезав всю свою семью, публично совершали суицид или твердили перед камерой, что это сделали не они, а инопланетяне, раздававшие им приказы, используя телепатическую связь.

И врачи. Да, да, да. Я обошел их всех, и каждый твердил одно и то же: «У вас все в порядке. Никаких патологий не выявлено».

На приеме у психотерапевта (да, я старался не упустить ничего) первое, что я услышал после того, как в миллионный раз изложил свои опасения относительно здоровья: «Но вы-то сами понимаете, что все это не так? Другими словами, что все это ерунда?» После чего врач как-то лениво заглянул мне в глаза.

Не понимаю, родной! Не понимаю! Стоило мне начинать успокаиваться и возвращаться к нормальной жизни, как что-нибудь происходило, вновь вышвыривая меня из седла. Я мог неделю успокаивать себя, прилагая к этому огромные усилия, и когда уже начинал чувствовать, что победил, какая-нибудь маленькая, малюсенькая мыслишка вновь детонировала все это спокойствие. Я вновь погружался в какой-то «придуманный» мир своих кошмаров, и до меня было не достучаться.

Я потратил кучу денег на врачей, психологов, целителей, магов и прочих шарлатанов, но ничего не помогало. Ничего.

Все продолжало оставаться на своих местах.

Конечно, время постепенно заглаживало многие шероховатости, если это можно было так назвать. Но мне в себе уже чего-то не хватало. Я что-то потерял, но никак не мог понять что. Я шел, шел и обронил это, а как обрести вновь, я не знал. А может, у меня это украли? Тогда кто? И зачем? И как мне заполучить это назад?..

Вопросы, на которые не было ответа...

Часть вторая

Время для счастья – сейчас

1

Время. Время идет, и мы ничего не можем с этим поделать. А нужно ли что-то делать? Ведь огромное число факторов играет как «за», так и «против» подобного решения. Человек сам не знает, чего хочет, а потому мир так нестабилен.

Вот сейчас ты сидишь в хорошей компании, выпиваешь, хорошо выпиваешь, то есть выпиваешь так, как будто понятие «завтра» не существует. Абсолютно. И ты продолжаешь сидеть в окружении своих друзей или не друзей, а просто приятелей или знакомых, скажем, коллег по работе... И ты выпил уже столько, что думаешь: «А почему, собственно, они просто приятели или знакомые? Ведь они все очень милые люди! Они именно друзья и никак иначе! Я безумно люблю каждого из них и всех, вместе взятых!»

Вот так и идет время. Опрокидывая рюмку за рюмкой, ты постоянно отслеживаешь его путь, и разные мысли не дают тебе покоя. Ну что такое, а? Кто-нибудь остановит эту стрелку? Что она как проклятая все время спешит? Сегодня такой прекрасный день, а завтра...

Завтра? Да, завтра. Да пошло оно, это «завтра»! Его, может, вообще не будет?! Ни у меня ни у кого вообще. Ведь наверняка кто-нибудь из несчастных жителей Нагасаки или Хиросимы вот так же сидел за большим столом, в окружении милых ему лиц и думал, что же будет завтра?

Завтра. Ха! Может, человек, словно мотылек, живет всего один день? Один день, и все. Вот есть у тебя этот день. А то, что ты помнишь или, наоборот, планируешь, – всего лишь какие-то фантазии, причем и не твои совсем, а так, втиснутые в тебя, чтобы было хоть малейшее объяснение, что да как. Проснулся – началась жизнь, потом ложишься спать – жизнь закончилась. А уж что тебе в этот день досталось, того и заслуживаешь... Во всей жизни есть одна маленькая, но достаточно серьезная уловка. Никто не помнит, как он родился, и никто не узнает, как он умер. А потому отследить реальную длину своей жизни совершенно не представляется возможным. Отследить мы можем лишь один день. Один-единственный. За всю свою жизнь. Глаза открыли – глаза закрыли. Все.

Но мы все равно продолжаем жить и пытаемся влиять на время, хотя происходит в точности наоборот. Мне хорошо – я пытаюсь унять время, и оно, как назло, бежит еще быстрее. Мне плохо – я подгоняю его как могу, но... С чего ты взял, что ты хороший наездник?

Но это все ерунда. Глупые мыслишки. И вот уже почти четыре года я живу с ними. И похоже, что для них.

Нет, я не могу сказать, что у меня что-то не так или что-то плохо. Нет. Просто не по мне. И я не знаю, как должно быть «по мне». Бывает же так: все условия полностью соблюдены, а не... э... Ну, как же сказать... Вот, точно – неуютно. Словно в чужой квартире, не то что не в своей, а в абсолютно чужой – все хорошо, все есть, но неуютно... для тебя.

Да, прошло почти четыре года. Господи, как много! Четыре года! Много пережито, и многое уже забыто. Но не все. Я более или менее справился со своими страхами, многие из которых просто заменил другими. Боже мой, ведь четыре года...

2

– Я уехал! – крикнул я, и эхо разнесло эти звуки в каждый уголок большого трехэтажного дома.

Я не знал, услышала ли она этот крик, но меня это не очень-то и заботило. Крикнул по привычке, и все, а кому, зачем – я не знал... В последнее время мне часто кажется, что я вообще живу один в какой-нибудь пещере, а все, что меня окружает, – это лишь плод большого воображения опустившегося неудачника, которому только и остается, что придумывать, как могла бы выглядеть его жизнь, окончи он школу.

Вот снова новый день. Новое утро. Новые впечатления. А новые ли они? Да ничего подобного! Какие же они новые, когда каждый день я вижу одно и то же, одно и то же, одно...

Да, да, да – каждый божий день одно и то же!

Открыл глаза – та же комната, постель и все остальное (это о жене?). Потянулся – поднялся. Воткнул ноги в те же, что и вчера, тапки. Поправляя трусы, идешь в ванную.

Ванная. Свет. Шум воды. Свет погас.

Кухня. Чашка кофе. Тосты.

Гардероб. Костюм. Рубашка. Галстук. Носки. Ботинки? Проснись, дружище, – обувной отдел на первом этаже!

Стою внизу. Так, ключи от машины, бумажник, документы, портфель. Все. Выхожу.

Пять шагов по дорожке. Стой. Кругом. Занавески на окнах спальни. Никакого движения.

Все, больше здесь делать нечего. Давай, Илюха, на работу.

3

Лавируя в потоке машин, я не думал ни о чем (все, что сейчас могло сидеть в моей голове, я рассказывал себе уже тысячу раз и столько же раз посылал все это к черту). И делать намного проще, когда сам крутишь баранку. Правда, Семеныч, мой персональный водитель, без работы сидит, но это я могу себе позволить. Заодно и новенькую Bentley-купешку обкатаю – хоть какая-то релаксация.

Я не знал, что со мной. И ненавидел за это все вокруг. Все, что меня окружало. Депрессия?

За минувшее время я так много занимался своим душев-

ным состоянием, что мог докторскую защитить по этой теме. Все друзья, родственники и знакомые твердили мне, что я перегибаю палку, что все хорошо, да какой там хорошо – отлично. Но знали бы они, как мне плохо на самом деле. Они шепнули и свалили по своим делам, а я остаюсь с собой, причем на все двадцать четыре часа в сутки.

Прошло столько времени, а я все не могу найти покоя. Просто в один прекрасный миг я лишился его, а он меня. Возможно... Да, возможно, что это какой-то там кризис какого-то там возраста. Не знаю. Да и не хочу знать.

Родилась Поинка. Татьяне все-таки удалось это сделать. Иногда мне даже кажется, что я здесь совершенно ни при чем. Не знаю. Мне плевать и на это. Главное, что жена благодарно (очень важный момент) переключилась на нее, а потому ей стало намного легче справляться со мной. Она просто не обращала внимания на всякое дерьмо, если оно случилось. А оно случается, и от этого никуда не денешься. Просто сначала мое состояние расценивалось как какое-то временное явление, но когда все перешло в понятие нормы, это просто перестали замечать, хотя, безусловно, семья от этого не выигрывала. А это значит, что все, что касается счастья...

– Да пошло оно, – прошептал я. «Где там сигареты?».

Я даже не сразу понял, что произошло. Просто машина сильно дернулась, и тут же ремень безопасности больно резанул по груди.

Освободившись, кашляя и тихо ругаясь, я вылез из ма-

шины. В своей вине я не сомневался, а потому молил Бога, чтобы он послал мне коллегу по несчастью, если не интеллигентного, то по крайней мере вменяемого. Слушать примитивные речи «бычья» мне сейчас совершенно не хотелось. Но приготовиться следовало к самому худшему.

Осмотрев место происшествия, я ничего хорошего для себя не отметил. И, подготовившись к самому худшему, принялся искать титановое тельце мобильного телефона.

Я уже стал нервничать из-за того, что второй участник аварии никак не появлялся. Не помер ли он там? Будет совсем весело. Правда, если только от сердечного приступа, удар-то пустяковый. Но через секунду я уже понял, чем была вызвана задержка.

Дело в том, что из той машины нельзя было выбраться через водительскую дверь. Бампер моей надежно забаррикадировал выход. Выбраться нужно было через пассажирскую.

Еще через секунду я понял вторую, не менее важную, деталь этой задержки, когда увидел хозяина автомобиля.

Да, мужичок был не маленьким. Но, честно признаться, ни смеха, ни тем более неприязни его фигура не вызывала. Солидный такой мужичище, с короткой стрижкой «под ежик», в очках и парой-другой подбородков. Все это величие было окутано далеко не дешевым костюмом, что вкупе с автомобилем достаточно четко говорило о финансовом положении товарища.

Наши взгляды встретились, и мы одновременно шагнули

навстречу друг другу. В этот момент я продолжал обрабатывать, как следует начать разговор, и что-то уже готово было слететь с языка, как вдруг...

– Прошу вас, ради Бога, простите! – сказал толстяк, окончательно сбив меня с толку. – Согласен со всем, что вы скажете. Я виноват, все оплачу. Это не проблема. – Толстяк перевел дыхание, кашлянул и продолжил: – Спешка, как всегда спешка, будь она неладна. А потому давайте я оставлю вам все свои координаты, и мы позже свяжемся. К тому времени вы все оцените и сообщите мне, а я сделаю все остальное.

Он протянул мне визитку, я тут же взял ее и, даже не посмотрев, сунул в карман. Не знаю почему, но у меня не возникло даже малейшего недоверия к этому человеку.

– Э... – Я пытался что-то сказать, но не мог сразу подобрать слов. Все было как-то неожиданно.

– Запишите, пожалуйста, все мои данные: номер машины, паспорта, все что хотите. Без проблем, я подожду, – сказал толстяк и положил передо мной на капот своей машины черный портмоне с документами.

– Нет, все нормально. Если я притронусь к нему, – я показал на портмоне и улыбнулся, – то всю оставшуюся жизнь мне придется жить в образе инспектора ГИБДД. Сам не знаю почему, но я вам верю, – продолжил я. – Вот вам и моя визитка, на всякий случай, а сейчас давайте распрягаться.

Я улыбнулся и протянул ему свою визитную карточку. Он взял ее и, скользнув по ней взглядом, убрал в карман пиджа-

ка, после чего и его лицо озарила улыбка.

– Что ж, Илья Сергеевич, с вами приятно иметь дело. До встречи.

– Счастливо, – сказал я, совершенно не обратив внимание на это четкое «до встречи».

– Счастливо, – повторил толстяк с ударением на первом слоге, после чего развернулся и на несколько секунд замер, разглядывая свою машину, потом, обогнув ее спереди, стал забираться в салон.

Я направился к своему автомобилю, попутно скалясь на водил, объезжающих нашу компанию. Представляю, как это выглядело со стороны. Не каждый день увидишь, как выясняют отношения «бентли» и «ВМВ Х5». Равнодушных не было. Лица одних выражали если не жалость, то по крайней мере сочувствие. Тогда как по другим можно было без ошибки прочесть – так вам сволочам зажавшимся и надо.

Решив больше не доставлять зевакам удовольствия, я запрыгнул в машину, намереваясь как-нибудь справиться со сработавшей подушкой безопасности. Покончив с этим, я увидел, что мой новый знакомый уже покинул место нашей встречи. Включив магнитолау и в очередной раз закурив, я продолжил свой путь.

Заезжая на офисную парковку, я увидел, что там уже му-

чается мой заместитель, Игорь Самойлов. Его синяя «мазда» отчаянно сопротивлялась, не желая становиться между «БМВ-760» (так, Семеныч уже здесь) и Лешкиным «мерседес-гелинтвангер».

Конфликт был улажен, когда я уже, устав от этого спектакля, собирался пройти в офис.

– Здравствуйте, Илья Сергеевич! – услышал я голос Самойлова.

– Привет, Игорь! Как жизнь? Не слушается? – кивнул я в сторону его железного коня.

– Бывает, – вздохнул он и спросил: – Где это вы так?

Он смотрел куда-то мимо меня, и я не сразу понял, что он имеет в виду. И только проследив за его взглядом, я вспомнил о случившемся. Ну вот, Семеныч, тебе и работа. Кстати, хорошо бы и на визитку толстяка взглянуть, а то убрал не глядя.

Пока я искал визитку, Самойлов, поправив черные кудри своей шевелюры, снял очки, тут же начав щуриться, и пошел к моей машине. Там, сев на корточки и подобрав полы пиджака, принялся с видом эксперта все осматривать.

Не обращая на него внимания, я принялся изучать визитку.

5

Карточка была из плотной шероховатой бумаги кремово-

го цвета, но это мне было совершенно безразлично. За всю свою жизнь я перевидал столько этих бумажных прямоугольничков, что, если всю эту кучу сдать в макулатуру, я спас бы от вырубки не один лес.

Привлекло же меня другое. В левом верхнем углу в пушкинском стиле был нарисован чей-то профиль. Приглядевшись, я узнал в нем черты моего нового знакомого. Справа мелким прямым шрифтом было написано: «Корпорация «СЧАСТЬЕ»», а ниже – «Берг Олег Генрихович – президент».

Снова это проклятое слово.

Интересно, чем занимается этот Олег Генрихович, раз называл так свою компанию?

6

Я сидел в своем кабинете и смотрел на орущий телефон, и у меня даже в мыслях не было прикоснуться к этому пластмассовому чудовищу. Бог мой, до чего я дошел! Я знаю, что мне звонит клиент, отличнейший клиент, а мне все равно. Мне совершенно все равно! Пусть хоть лопнет там, на другом конце провода, умрет от инфаркта, инсульта, от почечной колики – мне все равно. Да и впрямь, на что вы мне теперь? Это раньше я бы у вас в ногах валялся – и валялся, – чтобы вы на меня хотя бы взгляд бросили, а теперь... Когда оборот моей компании составляет несколько миллионов

долларов в год. Нет уж, голубчики, теперь ваша очередь серенады распевать.

Телефон вновь выстрелил в тишину. «Похоже, не отста-нут», – подумал я и поднял трубку.

– Да!

– Илья Сергеевич! Это ваша жена, – протараторила секрета-рша, и не успел я что-либо сказать, как в мое правое ухо проник волшебный голос супруги:

– Илья... – Привет, Тань! Как дела? – перебил я ее.

Я совершенно не ожидал ее звонка. Я не помню, когда она звонила мне на мобильный, а уж на рабочий тем более. А потому выпалил первое, что пришло в голову.

– ...я так больше не могу, – продолжила она, не обращая никакого внимания на мой идиотский вопрос. – Я старалась, но не могу.

– Таня, послушай, – произнес я. – У меня сейчас куча дел и... Давай не сейчас...

– А когда, Илья? Когда? – Ее голос дрогнул. – Я устала, устала.

И она заплакала. Бог мой, она заплакала. Завыла как волчица.

– Тань... – сказал я. – Таня!

Никакой реакции.

Я положил трубку.

С чего вдруг она позвонила?

После обеда вернулся Семеныч. Честно говоря, к этому времени я уже просто сгорал от любопытства. Мне словно кувалдой вколотили в голову этого Берга с его корпорацией, и ни о чем другом я не мог думать и секунды.

Я поднял трубку телефона и достал визитную карточку толстяка. Сумма ремонта мне известна, – значит, пора унять мое любопытство.

Три гудка.

– Представьтесь, пожалуйста, – прошипел мне в ухо какой-то механический голос.

Что ж, это сильно. Я уже счастлив, господа, что не вижу того, кто это сказал. Как, говорите, вы называетесь?

– Здравствуйте, э... – сказал я, переведя дыхание, – от волнения я совершенно забыл, куда и зачем звоню. – Простите, меня зовут Лемов Илья...

– Соединяю.

Я вздрогнул от неожиданности. Что такое? Меня уже ждут? Интересно.

– Илья Сергеевич?

Голос толстяка мне показался очень приветливым, если не сказать, радостным. Признаюсь, я был удивлен такой реакции. Обычно люди несколько иначе реагируют, когда им приходится расставаться со своими деньгами. Хорошо, если вообще удастся найти этих должников.

– Да, я. Неужели ждали... э... – Я вновь взглянул на визитку. – ...Олег Генрихович?

– Конечно. Я причинил вам неудобства. Это неприятно и вам, и мне. А я не люблю, когда мне неприятно. – Толстяк на секунду замолчал и продолжил: – А потому я всегда спешу разделаться с неприятностями, прежде чем они разделяются со мной.

– Что ж, неплохая жизненная позиция...

– Очень даже неплохая, – перебил Берг. – А что, у вас иная?

– Не знаю. Как-то не задумывался над этим, – ответил я.

– Что ж, теперь задумаетесь, – услышал я. – Так сколько я вам должен, Илья Сергеевич?

Я назвал сумму, хотя это мне было противно. Во-первых, потому что я чувствовал больше свою вину за эту аварию – я не смотрел на дорогу, когда столкнулся с Бергом, разыскивая «раковые палочки» в твердой упаковке. А во-вторых, мне было не по себе, что со стороны я казался мелочным и меркантильным. Я, солидный мужик, и названиваю тут из-за такой мелочи, давно уже повесил бы на кого-нибудь, а потом на ковер – отчет держать. Я-то знал, что деньги тут ни при

чем, но со стороны...

– Отлично, – сказал толстяк, прервав мои размышления. – Мне хотелось бы встретиться с вами, чтобы уладить это маленькое дельце. Вы как, не против?

– Да, в общем, нет! – тут же выпалил я, словно только и ждал этого предложения. – Давайте. Где?

– Конечно, с моей стороны это будет наглостью, – начал Олег Генрихович. – Но я все-таки предложу, Илья Сергеевич...

– А давайте на ты, – перебил я. Честно говоря, просто надоел этот пафос.

– Без проблем. Сам хотел предложить, – согласился Берг. – В таком случае, Илья, я хотел предложить встретиться на моей территории. Я имею в виду мой офис.

Голос толстяка был каким-то загадочным: то ли от того, что ему было неудобно заставлять меня приезжать к нему, то ли еще по какой-либо причине. В любом случае меня его предложение не смутило, а даже, наоборот, заинтересовало. Посмотрим, что за офис у него, а также чем занимается.

– Без проблем. Мне даже интересно побывать в корпорации «Счастье», – озвучил я одну из своих мыслей. – Кстати, если не секрет, а чем ты занимаешься в организации с таким названием?

– А вот им родимым и занимаюсь, – усмехнулся Берг. – Я думаю, мы поговорим об этом. Когда ты сможешь приехать, Илья?

– Да хоть сейчас, – сказал я, но тут же пожалел.

– Все так плохо? – подловил меня толстяк.

– Не понял? – ответил я. На этот раз голос меня не подвел.

– Да это я так, по привычке. Поверь, Илья, это самый частый вопрос, что я задаю. Но об этом тоже потом, – сказал Берг. – Что ж, тогда я жду тебя прямо сейчас.

Последнее было сказано каким-то твердым решительным голосом. Так выносят приговор в зале суда, когда нет никаких сомнений в виновности подсудимого.

– О'кей. Говори, как добраться?

– Добраться? – удивился толстяк. – Через десять минут за тобой прибудет машина. До встречи.

В трубке раздались гудки. Послушав ноту «ми» раз двадцать, я положил трубку. «Странно это, странно это...» – всплыла песенка из старого водевиля.

Но через пять минут я уже спускался по лестнице, объясняя бегущей за мной секретарше, что мне плевать на все встречи, которые были запланированы на сегодняшнее утро.

– Наташ, ну в чем проблема-то? – упирался я. – Алексей Владимирович все прекрасно проведет. Кстати, он у себя?

– Илья Сергеевич! – удивилась Наталья. – Алексей Владимирович ведь в отпуске... Уже вторую неделю.

– Да? – вырвалось у меня. Я совершенно не помнил об этом. Значит, просто бросил здесь машину. Докатился, ни черта не знаю, что на работе происходит.

– Да, – ответила секретарша и еще больше занервничала.

– Ну придумай тогда что-нибудь – ты же умница, – сказал я, резко остановившись перед растерянной девушкой. – Все, Наташ, мне некогда. Буду часа через три.

И, не дав ей произнести ни слова, вылетел на улицу.

9

Как и обещал толстяк, через десять минут я уже залезал в чрево большого черного автомобиля.

Водителя я так и не увидел. Просьба садиться была выражена сигналом клаксона, а когда пришло время прощаться, мне сообщили об этом по переговорному устройству, расположенному в салоне.

«Такси» выплюнуло меня у высокого темно-серого здания, и не успел я коснуться асфальта подошвами туфель, как эта черная махина, взвизгнув резиной, умчалась прочь.

Я огляделся. Мне казалось, что уж Москву-то я знаю вдоль и поперек, но был уверен, что здесь мне бывать не доводилось. Может, просто с непривычной стороны стою? Я задрал голову. Учитывая высоту этого здания, его должно было быть видно из любой точки города, но готов был поклясться, что никогда его прежде не видел. Сколько этажей? Да откуда мне знать?! Что я, считать, что ли, буду? О! В лифте узнаю. Надеюсь, лифты есть и работают, в противном случае молюсь, чтобы кабинет Берга был на первом этаже – максимум на втором.

Вновь пошарив глазами, я так и не смог найти ничего мало-мальски объясняющего, где я, собственно, нахожусь. Ни вывесочки, ни плакатика – ничего, доказывающего существование организации, куда я направлялся. Да что там говорить, не было даже привычной таблички с номером дома и названием улицы. Черт, куда я попал?

Центр Москвы (в этом я был уверен), серая высотка, свободная парковка. Все. Больше ничего. Что ж, вперед. Я кивнул самому себе и пошел к входу.

10

Войдя внутрь, я оказался в огромном вестибюле, черный гранитный пол которого ничем не отличался от зеркала. Я даже остановился, разглядывая свое отражение.

Вообще достаточно неприятное ощущение, скажу я вам. Стоишь, смотришь себе под ноги и видишь себя же, смотрящего откуда-то снизу. Даже задаешься вопросом: «Кто реальнее: я или тот другой?» Ха! Как в старом мультфильме про крошку-енота, который боялся своего отражения в пруду. Вот я сейчас чувствовал себя этим самым енотом – тоже испугался своего отражения. Вернее, не испугался, а... Да ладно, какая разница? Одно ясно – нервы ни к черту.

Слушая стук своих шагов, я пошел к гранитной стойке, за которой расположился громила консьерж. Подойдя ближе, я заметил на стойке большую гранит... Фу-ты! Просто боль-

шую пепельницу. Я мысленно воздал хвалу небесам за этот подарок. Не знаю почему, но разволновался я страшно. Было что-то пугающее в этих стенах, высоких черных колоннах, фонтане в середине зала, громкое журчание которого совершенно не успокаивало, а, наоборот, вызывало тревогу. Тоже мне корпорация «Счастье» – пещера какая-то. Счастье наступит, когда отсюда выберешься.

Я закурил. Теплая волна спокойствия прошла по моему телу – сейчас мне это было ох как кстати.

– Здравствуйте, меня зовут Лемов Илья Сергеевич, – сказал я, уставившись на здоровяка, и первая порция пепла упала на каменное дно пепельницы. – У меня встреча с Олегом Генриховичем Бергом.

К моему удивлению, Громила, не посмотрев ни в какие журналы и никому не позвонив, встал и, показав мне, чтобы я следовал за ним, направился к лифтам, которые я заметил только сейчас. Четыре лифта, по два с каждой стороны. Вроде все как обычно, но что-то не так.

Подойдя ближе, я понял, что не так. Не было ни кнопок вызова, ни линейки цифр, информирующей о передвижении лифта по этажам. Ничего. Только четыре стальных листа с еле-еле заметной прорезью посередине.

Когда мы подошли, консьерж вытащил из кожаной поясной сумочки что-то похожее на пульт дистанционного управления, после чего нажал одну из кнопок, и первый слева лифт с тихим вздохом открыл свой рот. Здоровяк опять-та-

ки жестом (немой он, что ли?) указал внутрь лифта.

Мне уже начинало все это действовать на нервы. Шутить надо мной вздумали? Но деваться было некуда, и я нырнул в разинутую железную пасть и уже было собрался спросить, какую кнопку нажимать, как вдруг заметил, что и здесь отсутствуют все признаки, указывающие на то, что это лифт.

С недоумением на лице и вопросом на губах я обернулся к консьержу, но тот уже снова что-то нажимал на своем пульте. Двери тут же сомкнулись, и по ощущениям в животе я понял, что лифт возомнил себя ракетой-носителем.

11

Когда двери лифта открылись, меня уже ждали. Точь-в-точь такой же консьерж. Тот же рост, прическа и темно-синий костюм. «Может, у них здесь есть еще более быстрый лифт?» – усмехнулся я про себя.

По длинному коридору мы прошли мимо нескольких дверей, которые, как и лифты, были начисто лишены каких-либо обозначений. Господи, куда я попал? О каком счастье может идти речь, когда у них даже ручек у дверей нет? И еще все в каких-то темных пугающих тонах – ужас. Теперь понятно, почему этот Олег Генрихович мялся, когда приглашал меня сюда. Сам небось никуда не ездит, потому что просто не знает, как отсюда выбраться.

Мы дошли до конца коридора и остановились у последней

двери. Ну а у тебя, парень, пульт есть? Как по команде громила вытащил пульт, такой же, какой я видел внизу, нажал на одну из кнопок и тут же удалился. Интересно, а смыв в туалете у них здесь тоже какой-нибудь жлоб с пультом включает? Ну да ладно, за любопытство, как и за удовольствие, нужно платить (тем более что для многих это одно и то же).

Раз, два, три и... Дверь мягко поехала влево и скрылась в косяке.

Я уже перестал удивляться всему, что здесь происходило. А потому был готов увидеть в этой комнате здорового зеленого таракана или кузнечика, который чавкающим голосом сообщит мне, что я теперь пленник внеземной расы и что мы уже в миллионе световых лет от Земли, а мой организм представляет огромнейшую ценность для их науки.

Но увидел я совершенно другое.

12

А точнее, ничего особенного. Я даже немного разочаровался. Большая просторная комната, противоположная от входа стена которой была полностью стеклянной. Вид на Москву открывался шикарный. Где же все-таки расположено это здание?

В центре комнаты на небольшом возвышении стоял круглый стол, правда, только на две персоны: об этом свидетельствовали фигурные вырезы на его поверхности и располо-

женные напротив них «хиленькие» стулья. На столе не было ничего, да и вся комната богатством и изобилием не отличалась. Кроме этого стола, пары стульев, стеклянной стены и большущего человека, ничего больше не было. Берг стоял ко мне спиной, но как только дверь с легким шорохом закрылась, он тут же обернулся и, широко улыбаясь, пошел навстречу.

– Илья! – Берг протянул руку. – Хоть и виделись недавно, но все равно. Как добрался?

– Да ничего. Хотя и не без сюрпризов, – ответил я.

– Ты о чем?

Я развел руками.

– А-а-а, – протянул Берг. – Ну это издержки профессии. Просто так к нам не попасть. Здесь бывают только избранные.

– Да? Значит, мне, можно сказать, повезло?

– Ты даже не представляешь как! – сказал толстяк и улыбнулся так, что исчезли все его подбородки.

Я тоже улыбнулся, правда, более сдержанно.

А вообще я уже жалел о том, что случилось утром. Вся эта история начинала раздражать меня, и в первую очередь человек, что стоял сейчас передо мной и скалился.

Я опустил руку в карман пиджака и выудил оттуда пачку сигарет, но тут же поспешил убрать обратно. Ничего даже близко напоминающего пепельницу я в этой комнате не видел, а значит, хозяин не очень-то приветствует подобную

привычку.

Но Берг остановил меня.

– Без проблем, Илья, – сказал толстяк и, достав из кармана миниатюрную пепельницу, положил ее на стол. – Присаживайся, – сказал толстяк и плюхнулся на один из стульев.

– Приятная вещица, – сказал я, открывая на пепельнице крышечку, на которой опять-таки был рельеф с профилем моего нового знакомого.

– Она твоя, – улыбнулся Берг. – Корпоративный сувенир.

– Спасибо, – ответил я, закуривая.

– Итак, первый вопрос, чтобы сразу покончить с этим делом, – сказал толстяк. – Сколько я должен за машину?

Я молча протянул листок, привезенный мне Михаилом из автосервиса.

– О'кей, – бросил Берг, даже не взглянув в него. – Машина там?

Я кивнул.

– С этим я разберусь завтра, идет?

– Идет, – ответил я, начиная чувствовать себя полным идиотом. – Только стоило ли мне тогда приезжать: эти несколько цифр и адрес техцентра я мог сообщить и по телефону?

– Стоило, Илья. И ты сам это знаешь. Ты позвонил мне, потому что тебе не давали покоя два слова на моей визитной карточке. Точнее, даже одно. – Толстяк пристально смотрел на меня. – Я не поверю, если ты мне скажешь, что волновался

из-за денег. Их у тебя, я думаю, хватает.

– Ну, мои деньги я как-нибудь сам сосчитаю, – ответил я. – Хотя ты прав, дело, конечно же, не в них. Просто... э... Решил прокатиться.

– Именно так все и решают, – усмехнулся Берг.

– А что, многие здесь бывали?

– Больше, чем ты думаешь. – Толстяк достал пульт, точно такой же, как у громил. – Может... Чай, кофе или что-нибудь покрепче?

– Текила найдется? – улыбнулся я.

– Найдется, – ответил Олег Генрихович и поэксплуатировал пульт. – Не злоупотребляешь в последнее время?

Мне не понравился этот вопрос. Не то чтобы очень, но стало как-то неприятно. Во-первых, что тебя принимают неизвестно за кого, а во-вторых, сложилось впечатление, что сидящий напротив человек знает о тебе больше, чем хотелось бы.

Я не алкоголик, нет. Хотя эта фраза говорит как раз об обратном. Но все-таки – нет. Хотя не исключено, что в последнее время (а Берг так и сказал) я стал плутать где-то рядом с тропинкой, ведущей к столь неприятному диагнозу. В общем, в минуты, так сказать, тоски я позволяю себе две-три рюмки горячительного, дабы мир не был таким уж однообразным и серым. Хотя я вполне допускаю, что это может вылиться для меня в довольно серьезные проблемы. Но так как душевное спокойствие для меня в данный момент намного

важнее, то я предпочитаю джин тонику, если речь идет о выборе. Смесь этих компонентов приветствуется.

– Илья?!

Я вынырнул из пучины своих размышлений.

– Ой, извини, Олег, – задумался, – сказал я.

– Текила.

– Что?

– Текила. Ты просил, – сказал толстяк и кивнул куда-то вниз.

Я посмотрел в этом направлении и...

На столе, на маленьком блестящем подносе, стояла высокая цилиндрическая рюмка, верхний край которой был усыпан кристалликами соли, рядом стояла тарелочка с лаймом. «Ух ты, как в лучших домах», – подумал я и улыбнулся. Только вот я совершенно не видел, откуда все это взялось. Надо же было так задуматься. Это ненормально.

Путешествия далеко в собственное сознание ни к чему хорошему не приведут. Проще надо быть, молодой человек, проще. А не получается. Не получается. Сам придумал все, а теперь не знаю, как выкрутиться. Страх, страх, куда ни сунься, везде этот липкий противный страх. До сих пор, черт бы его побрал! До сих пор! Приступов никаких уже нет, ну, может, лишь иногда, да и то так... Ну дернет, и все, а страх остался. Все, чем живу, процеживается через это проклятое сито. В напряжении... Я постоянно в напряжении.

– Спасибо, – сказал я и опрокинул в рот рюмку. «Ну вот.

Скоро будет легче», – подумал я и потянулся за лаймом.

– Ну теперь можно и поговорить, – сказал Берг и, положив пульт на стол, скрестил руки перед собой.

– Давай, – сказал я.

– И первый вопрос?..

– Почему «Счастье»? – тут же выпалил я и облизнул кончики пальцев.

Так, похоже, текила уже начинает давать о себе знать, а всего-то рюмка.

– Как почему? – удивился толстяк. – Я же уже говорил, что занимаюсь именно им, счастьем.

– И что ты делаешь? Конкретно? – спросил я и откинулся на спинку стула.

– Делаю людей счастливыми.

– А что, сами они не в состоянии быть счастливыми? – улыбнулся я.

– А ты можешь?

И снова это ощущение, что я полностью открыт перед совершенно незнакомым мне человеком.

– Послушай, Олег. Скажи, это что, какой-то розыгрыш? Скрытая камера какая-нибудь или что-то в этом роде? И что ты вообще обо мне знаешь?

Я ждал, что с минуты на минуту выскочит какая-нибудь знакомая рожа и заорет: «Сюрприз!» – хотя совершенно не представлял, откуда можно выскочить в абсолютно пустой комнате. Но текила откуда-то появилась?

– Это зависит от того, что о себе знаешь ты, – сказал толстяк. – Видишь ли, Илья, то, о чем я спрашиваю, написано у тебя на лице, и прочитать это может любой человек, мало-мальски разбирающийся в психологии. А уж мне и сам Бог велел.

– Бог? – улыбнулся я.

– Я хочу сказать... – продолжал Берг, не обращая внимания на мои выпады, – что как только увидел тебя, то подумал: «У этого человека что-то не так в жизни – для него не так».

– Так это психологический центр?

– Ну, можно сказать и так.

– Престижный?

– Смотря что понимать под словом «престиж». – Толстяк вновь взял в руки пульт. – Скажу так. Рекламы мы не даем, но о нас знает каждый, в какой-то мере. А самое главное то, что клиентов мы выбираем сами.

– То есть я избранный? – Я все больше и больше удивлялся происходящему.

– Ты? Нет. Мы встретились. Я посмотрел на тебя и подумал: «А может, помочь парню?» Так просто, без предварительных исследований, – сказал Берг, смотря мне прямо в глаза.

– То есть на пути у милосердия встал я, – съехидничал я.

– Да, – сказал толстяк и посмотрел так, что мне ничего не оставалось, как опустить глаза.

Мне стало как-то не по себе. Ладно, сначала было смеш-

но. Ну странно. Даже интересно. Но сейчас с каждой секундой мне становилось все больше не по себе. Страх еще не было, но... Кто он? Что обо мне знает? Что за корпорация? При чем здесь счастье? А главное, при чем здесь я? Все эти вопросы начинали выводить меня из себя. Да, Берг ответил, но убедили ли меня его ответы? Поверил ли я ему? Не-а, ни-сколечко не поверил!

– Ну а с чего ты взял, что мне нужно что-то менять? – Теперь серьезностью поражал я.

– Илья, – произнес толстяк. – Давай проведем маленький эксперимент. Позвоним твоей жене и спросим, что она думает по этому поводу. И если она скажет, что все в порядке, что о лучшем муже нельзя и мечтать и чтобы мы перестали морочить ей голову, – я клянусь, что распущу свою корпорацию, а все материальные средства переведу на твое имя. Идет?

– Вы... э... Ты это серьезно? – испугался я.

– Абсолютно. – Берг встал и оперся руками о стол. – Илья, пойми, я пригласил тебя к себе не для того, чтобы читать нотации. Это штука дешевая. Поверь, я искренне хочу помочь тебе, твоей жене и, в конце концов, твоему ребенку.

– М-м-м...

– Прошу, не перебивай. Я видел фото в твоём бумажнике, когда ты искал свою визитку, – набирал обороты толстяк. – Просто расскажи все то, что ты говоришь себе, мне, а уж я, будь уверен, знаю, что с этим делать.

Надо же, какой напористый этот толстячок. Как ловко он окутал меня своей паутиной, даже не знаю, как выбираться. Пошлешь – обидишь, ведь об искренности поет. Соглашаться... Черт, неохота.

Психологи эти... Ну чего они понимают? Сами небось пьют не просыхая, а туда же – других жить учить пытаются. Господи, что же делать-то?

– Решайся! – резанул толстяк.

Да ты, я смотрю, прямо мысли читаешь. Я снова полез за сигаретами.

– Пять минут, Илья, – сказал толстяк, после чего, поиграв пультом, вышел из комнаты.

Нет, я с ним с ума сойду. Ну надо же было. Притормозил бы вовремя, и ничего бы не было, а теперь... А с другой стороны, что я теряю? Ну послушаю, что этот проныра скажет. Ну заплачу ему за это сколько скажет, и все. А дальше пошлю все далеко-далеко и забуду как о кошмарном сне. Решено? Решено. Давай, Олег Генрихович, прорабатывай.

И в тот же миг как по сигналу зашуршала дверь, и Берг вновь занял свое место.

– Давай, Илья, доверься мне и рассказывай все как на духу, – сказал толстяк, и его лицо выразило полную сосредоточенность.

– Да начинать-то в общем-то не знаю с чего. – Я действительно не знал, как и о чем говорить. – Тридцать три года. Женат. Дочке два года. Бизнесмен. Собственная лизиного-

вая компания «Корсо». Может, слышал?

Толстяк кивнул, и я продолжил:

– Что еще? – Я перевел дыхание. – Разве мало для счастья?

– Не знаю. Ты мне скажи, – пожал плечами толстяк.

– А я тоже не знаю. Такой ответ может быть? – Я устался на него. – Я не успел его почувствовать. По каким-то там причинам мне отказали. Помахали перед рожей, а потом пнули под зад коленом. Все, дружище, свободен.

– Что ты имеешь в виду? – произнес Берг. – Я не совсем понимаю.

– Не понимаешь? Так слушай, если хочешь, конечно, – повысил я голос.

– Я весь внимание, – сказал толстяк, и от его спокойствия мне стало еще хуже.

– А тут и объяснять-то нечего. Все дело в страхе – я боюсь жить! – закричал я. – Точнее, боюсь не жить. Боюсь за свою жизнь. Ни за чью-нибудь, только за свою. Исключительно. Ни за жену, ни за ребенка, а за свою собственную шкуру.

Толстяк улыбнулся.

– Что смешного? Скажешь, так не бывает?

– Бывает, бывает, – сказал толстяк, но его губы все же сохранили какое-то подобие улыбки. – Дальше, я так понимаю, начался систематический поход по врачам, но все без толку?

– Вот видишь, ты и сам все знаешь.

– Да это немудрено. – Толстяк снова схватил пульт. – Сей-

час разговоры временно прекращаем, нужно самим все проверить.

– То есть?

– Ну, если говорить по-научному – выявить все возможные патологические составляющие твоего состояния. И если их нет, то займемся напрямую твоей душой.

Про душу мне что-то не очень понравилось. Вернее, совсем не понравилось.

– Что, опять диспансеризацию проходить?

– Можно и так назвать, – нажимая на пульт, сказал толстяк. – Только помни, что ты в корпорации «Счастье», где не сделают ничего, чтобы человек чувствовал себя плохо. Если, конечно, он сам этого не захочет. Счастье ведь разное бывает. – Берг засмеялся. – Но ты, Илья, не бойся. У нас все по последнему слову техники. Кнопку нажали – и вот ты уже как на ладони. Со всеми своими болячками: настоящими, прошлыми, да и с будущими можно разобраться.

– Прямо как в фантастических фильмах, – удивился я. – И давно у вас такая аппаратура?

– У нас давно, – парировал толстяк. – И вообще не удивляйся ничему – не стоит. Многого все равно не поймешь. Доверься мне и, клянусь Богом, не пропадешь.

Берг, кажется, заканчивал манипуляции со своим пультом.

– Забавные машинки у вас, – сказал я, указывая на пульт. Толстяк уставился на меня и проследил за тем, куда ука-

зывает мой палец.

– А, это... Это да, гениальная вещица, – ответил Берг и, словно ребенок, завертел в руках хромированный параллелепипед. – Только машинки разные, Илья. Одинаковых нет.

– А у консьержей? – спросил я.

– О-о-о... Не стоит даже сравнивать. Да и не важно это. – Толстяк поднял указательный палец над одной из кнопок пульта. – Главное, чтобы то, что тебе нужно, всегда было у тебя под рукой. Если нужно открыть дверь, то тебе совершенно наплевать на то, что эта, как ты сказал, машинка может разнести на части полгорода. Тебе просто нужно открыть дверь... А теперь смотри.

И не успел я ничего ответить, как толстяк вонзил палец в своего блестящего помощника. И в ту же секунду весь открывшийся вид на Москву, так впечатливший меня, исчез. «Что за жалюзи такие у вас, Олег Генрихович? Надо поинтересоваться, где заказывал», – подумал я и улыбнулся.

Но в следующий момент жалюзи снова открылись, но за окном была не Москва, а темная пучина моря или океана. Тяжелые водоросли покачивались в такт какой-то мелодии. Медленно проплывали огромные рыбы, пропуская сквозь свои жабры десятки литров воды; проносились стайки ярких маленьких рыбок-ракет. Я все ожидал, что тишину и спокойствие вскоре нарушит голос Дроздова из программы «В мире животных», но этого не происходило. Где я?

Где-то в области солнечного сплетения мгновенно обра-

зовался какой-то сосущий комок, и все положительные эмоции стали покидать мою и без того замученную душу. Когда толстяк отвернулся от экрана и посмотрел на меня, то по его сползающей улыбке я понял, что выгляжу не очень.

– Илья, тебе что, плохо? – испугался толстяк. – Я думал, это успокоит, настроит на нужный лад.

– Да нет, все нормально, – постепенно успокаиваясь, сказал я. – Неожиданно просто.

Хотя мысль о большом зеленом кузнечике в миллионе световых лет от нашей планеты вновь посетила мою голову. Если подводный мир – это какая-то телевизионная заставка, то и вид на Москву мог быть тем же!

– Расслабься, Илья. Это просто программа, – сказал толстяк, снова теребя пульт. – Если хочешь, я выключу.

– Да нет, нормально, – ответил я.

– Тогда продолжим. Смотри вот сюда, Илья, – сказал Берг и навел свой пульт мне в лицо.

Я хотел было сказать, что мне надоело, я передумал, но не успел. Фотовспышкой вспыхнула рука толстяка, глаза пронзила боль, и на несколько секунд я погрузился в крошечную тьму. Страх снова вонзил в меня свои когти, но только на миг. Потому что уже в следующее мгновение я снова видел перед собой ту же комнату, тот же вид из окна и того же тучного очкарика.

– Вот и все, – сказал толстяк. – Диагностика прошла успешно. Никаких серьезных отклонений не выявлено. Ну

может, лишь небольшая дыхательная аритмия, но это норма для астеников. Курить бы, батенька, вам поменьше. Но в целом здоров как бык.

– Я не понял, что вы... Вернее, ты хочешь мне сказать? – удивился я, и новая мысль, точнее, догадка полезла мне в голову.

– Я хочу сказать, что ты совершенно здоров и тебе нужно забыть о брэнном теле, а сконцентрироваться на делах душевных, то есть на психических.

Лохотрон, честное слово, позорный лохотрон. И я, как последний дурак, попался на всю эту чушь и еще сижу здесь и беседую с этим жирным ублюдком. И он еще хочет, чтобы я здесь с ним разоткровенничался. Е-мое! Ну надо же так лопухнуться. Лопух вы, ваша светлость, Илья Сергеевич. Полный лопух, если не сказать больше. Я взорвался.

– Здоров, говорите? Угу. Вот так – раз, два – и здоров, да? – Былая деликатность и благородный тон мгновенно улетучились. – Я неделями лежал во всяких диагностических центрах, жрал всякую дрянь, в меня тыкали шприцами, привинчивали к башке кучу проводов, запихивали руку по локоть в задницу, а оказывается, можно просто щелкнуть фонариком в глаз – и все готово: диагноз поставлен, садитесь, расписывайтесь.

– Илья, выслушай...

Толстяк попытался успокоить меня все тем же спокойным и уверенным голосом. Ну уж дудки. Ладно еще врачи обма-

нывают, но те хоть видимость создают. А здесь...

– Как мне отсюда выйти? И сколько я должен за весь этот спектакль? – спросил я. – Прости, Олег, но нужно было сразу сказать, что я попал в театр.

– Илья, ты можешь спокойно выслушать то, что я скажу? – выпалил толстяк. – Просто сядь и послушай, сопляк.

– Вы, кажется...

– Ты можешь думать что хочешь! – Теперь в атаку пошел Берг. – Лохотрон, театр, обман... Или что-то там еще. Но ты сам знаешь, что у тебя проблемы и их надо решать. Если бы ты мог справиться с ними в одиночку, то наверняка бы уже справился. Но ты не можешь. Поэтому ты здесь. Подсознательно ты уже был здесь еще до того, как твоя нога переступила этот порог. Не упускай свой шанс. К тому же ни о каких деньгах я, кажется, не говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.